



ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЕННЫХ СОБЫТИЯХ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.17>

UDC 321
LBC 66.1(2)

Submitted: 30.06.2020
Accepted: 23.09.2020

GENESIS OF THE STUDY OF WAR AS A POLITICAL PHENOMENON IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Vasily K. Belozеров

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article explores the conceptualization of war as a political phenomenon in pre-revolutionary Russia and presents its results for theory and practice. For this purpose, the article studies and interprets the origins of political ideas about war, the occurrence of political content in its scientific understanding, the emergence and development of various paradigms for its understanding as a political phenomenon and the conceptualization of Russia's superior strategy. *Methods and methodology.* The research methodology is based on political realism and the recognition of war as an actual phenomenon. The choice of works for analysis stems from the connection of their content with political issues. The article studies political situations and processes that caused the enhancement of research into war as a political phenomenon. *Analysis.* The first political perceptions of the phenomenon of war began taking shape in Russia in the second half of the 17th century and they reveal an understanding of the link between war and politics. The formation of the knowledge system about war and military activities took place without political understanding and contained a significant element of borrowing from outside. In relation to the formation of the science of war, there was also a theoretical understanding of its political content. In the second third of the 19th century scientific discussions began, in which two approaches based on the decision to recognize the political content of war were formed. Eventually, an approach that essentially negates the primacy of political institutions prevailed in military science and in the education of military personnel, which had negative consequences for theory and practice. *Results.* The study of war as a political phenomenon in pre-revolutionary Russia formed dialectical and metaphysical approaches with the latter dominating and being followed by representatives of official military science. It can be stated that there is a problem of method in the study of war, which is manifested in modern conditions.

Key words: theory of war, pre-revolutionary Russia, war as a political phenomenon, strategy, methodology and method.

Citation. Belozеров V.K. Genesis of the Study of War as a Political Phenomenon in Pre-Revolutionary Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 190-200. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.17>

УДК 321
ББК 66.1(2)

Дата поступления статьи: 30.06.2020
Дата принятия статьи: 23.09.2020

ГЕНЕЗИС ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЙНЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Василий Клавдиевич Белозёров

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется осмысление войны как политического феномена в дореволюционной России, излагаются его результаты для теории и практики. Для этого изучаются и интерпретируются зарождение политических представлений о войне, появление политического содержания в ее научном осмыслении, возникновение и развитие различных парадигм ее понимания как политического феномена, концептуализация высшей стратегии России. *Методология и методы исследования.* Методология исследования строится на политическом реализме и признании войны как реально существующего феномена. Выбор работ для проведения анализа обусловлен связью их содержания с политической проблематикой. Изучались политические ситуации и процессы, вызывавшие активизацию исследования войны как политического феномена. *Анализ.* Первые политические представления о феномене войны стали складываться в России во второй половине XVII в., они свидетельствуют о понимании наличия связи между войной и политикой. Формирование системы знаний о войне и военной деятельности происходило без политического осмысления и содержало значительный элемент заимствований извне. В связи со становлением науки о войне происходило и теоретическое осмысление ее политического содержания. Во второй трети XIX в. начались научные дискуссии, в рамках которых на основе решения вопроса о признании политического содержания войны сложились два подхода. В итоге в военной науке и в образовании военных кадров возобладал подход, по сути отрицающий примат политических установлений, что имело негативные последствия для теории и практики. *Результаты.* В исследовании войны как политического феномена в дореволюционной России оформились диалектический и метафизический подходы при доминировании последнего и следовании ему представителями официальной военной науки. Можно констатировать наличие проблемы метода в исследовании войны, которая проявляется и в современных условиях.

Ключевые слова: теория войны, дореволюционная Россия, война как политический феномен, стратегия, методология и метод.

Цитирование. Белозёров В. К. Генезис исследования войны как политического феномена в дореволюционной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 190–200. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.17>

Введение. Формирование целостной системы научных знаний о войне является длительным и перманентным процессом. В той или иной стране этот процесс детерминруется конкретно-историческими условиями, развитием средств вооруженной борьбы, другими обстоятельствами. Привнесение политического контента в осмысление войны также происходило и происходит весьма не просто. Научное же понимание войны является неполноценным без видения ее политической детерминации и политических последствий. Исследование проблематики осмысления войны с позиций политологии представляется актуальным и ввиду явного дефицита таких работ в России. Незавершенность политологии войны в нашей стране представляется еще более алогичной в условиях наличия теоретических трудов по философии, социологии и психологии войны. Устранение сложившейся исследовательской диспропорции уместно начать с изучения отечественного опыта научного осмысления войны как политического феномена.

Следует констатировать, что целенаправленного изучения процесса научного ос-

мысления войны в дореволюционной России с учетом политизации содержания этой познавательной деятельности до сих не проводилось, фактически имели место лишь дискретные и фрагментарные исследования. Между тем в дальнейшем развитие научных взглядов на войну в нашей стране стало строиться на основе оценок, теоретических моделей и концепций, сложившихся в предыдущие эпохи.

Цель исследования состоит в выявлении и характеристике осмысления войны как политического феномена в дореволюционной России, в установлении теоретических и практических результатов этого процесса. Для этого изучается и интерпретируется зарождение первых политических представлений о войне, появление политического содержания в ее научном осмыслении, возникновение и развитие различных парадигм понимания войны как политического феномена, концептуальных подходов к высшей стратегии России.

Методология и методы исследования. Методология исследования строится на концепции политического реализма и признании войны как реально существующего политического феномена, что обуславливает не-

обходимость и возможность ее исследования в указанном качестве. Для осмысления войны как политического феномена в России изучались литературные памятники и философские трактаты, государственные документы, научные труды, мемуары. Выбор источников и работ для анализа был обусловлен связью их содержания с политической проблематикой. При выявлении детерминации проводившихся исследований учитывались политические ситуации, процессы и решения, активизировавшие видение войны как политического феномена.

Наряду с общенаучными методами использовались компаративистский анализ, систематизация сложившихся подходов к исследованию войны в указанный период с учетом последствий признания или непризнания ее политического содержания, дискурс-анализ, направленный на выявление смыслового контекста текстов и установление взаимосвязи между текстом и практической реализацией заложенных в него идей.

Анализ. *Предпосылки для формирования научных знаний о войне* стали складываться в России во второй половине XVII века. С одной стороны, возник и начал усиливаться спрос на светское образование, с другой стороны, интересы эффективного использования военной силы требовали компетентного подхода к этой постоянно усложняющейся деятельности, военной организации государства и общества¹.

Руководство Российского государства осознавало важность регламентации военной деятельности, ее правового регулирования, что означало и видение армии как инструмента власти. Судебники и уложения, вышедшие с конца XV в., закладывали правовые, экономические и иные основы военной организации государства. Спустя несколько десятилетий появились первые воинские уставы и наставления, они представляли собой переводы с иностранных источников без адаптации к российским условиям. Как известно, вышедшие в России «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1607) и ставшее фактически первым воинским уставом «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647) были переведенными на русский язык изданиями.

Кроме того, правовой регламентации военной организации была свойственна бессистемность, наличие множества несогласованных указов и «приговоров».

Размышления и оценки, указывающие на понимание связи политических и военных вопросов, обнаруживаются во многих трактатах и памятниках русской литературы. В них дается видение предназначения и устройства военной силы, защиты родной земли, воинского командования и др. [7]. Сложившиеся в обществе установки относительно необходимости постоянной готовности к защите родной земли, устоявшийся мобилизационный характер развития страны в условиях постоянной внешней угрозы обеспечивали поддержку усилий власти по военному строительству.

В дальнейшем стали появляться и трактаты, свидетельствующие об осмыслении политической детерминации военной деятельности. Заслуживающие внимания идеи излагались богословом и философом XVII в. Ю. Крижаничем (1617–1683). С одной стороны, содержание обучения войска виделось ему сугубо утилитарно: «Учение воинское состоит в том, чтобы воин научился хорошо стрелять из лука и из пищали и сохранять строй под знаменем» [16, с. 435]. Вместе с тем боевые качества войск Ю. Крижанич ставил в прямую зависимость от фактора политической природы, от «благого правления»: «Если этого не будет, остальные способы окажутся напрасными, и воины вовеки не станут ловкими, а всегда [будут] малодушными и отчаявшимися» [16, с. 437]. Обращал внимание мыслитель и на неукоснительность следования принципу примата национальных интересов при принятии решений о применении военной силы, вступлении в войну и в коалицию: «беда наша горькая и в том, что иные народы... привлекают нас на свою сторону, впутывают в свои распри и сеют между нами рознь. А мы по своей глупости позволяем себя обманывать, и воюем за других, и считаем своими чужие войны, а друг друга ненавидим, враждуем насмерть...» [16, с. 496]

В указанный период в России не сложилась система высшего образования, в том числе военного, наука также не оформилась в полноценный социальный институт. Вместе с тем появлялись идеи и оценки, свиде-

тельствующие о понимании наличия связи между войной, армией и политикой. Формирование системы знаний о войне и военной деятельности происходило без политического осмысления, содержало значительный элемент заимствований извне без адаптации к российской специфике.

Появление политического содержания в исследовании войны началось в период правления Петра I. При нем военная служба получила четкую политико-правовую регламентацию. Для образования в сфере военных наук молодые люди направлялись за границу, стали создаваться учебные заведения для подготовки военных кадров [3, с. 128–180].

В условиях непрерывных войн учебный процесс имел прикладную направленность. Вместе с тем политической и военной элите требовалось понимание предназначения армии и компетентное обращение с ней. Петр требовал, чтобы офицеры и солдаты свою службу понимали как «защиту интересов государственных» [3, с. 145]. «Артикул Воинский» закреплял предназначение армии и военной службы: офицеры и солдаты присягали содержать себя «против всех Наших и Государств Наших неприятелей, телом и кровью» [6, с. 36]. Утверждение страны в статусе европейской державы Петр I связывал с наличием боеспособной регулярной армии и флота, в период его правления закладывались научные основы национального военного искусства и военной организации.

В дальнейшем встал вопрос о разработке общей теории войны. По замыслу известного просветителя И.И. Бецкого (1704–1795) в Шляхетском корпусе будущим офицерам стали преподаваться общеобразовательные дисциплины, корпус виделся как конкурент Московского университета. В 1753 г. граф П.И. Шувалов (1711–1762), осознавая отсутствие теории войны, предложил создать военную академию, что не было реализовано. Тем не менее военный мыслитель А.А. Свечин (1878–1938) отмечал, что по уровню развития военного образования Россия в то время обогнала Запад [23, с. 289–290].

Существенный импульс научному политическому осмыслению войны задало появление университетов. В Московском университете одной из первых была кафедра поли-

тики, систематический курс политики стал читаться в университете с 1764 г. [13, с. 101], изучение военных наук было включено в университетскую программу. М.В. Ломоносов (1711–1765) в письме П.И. Шувалову в 1761 г. заявлял о намерении исследовать тему «О сохранении военного искусства во время долговременного мира» [8, с. 110]. Исследователи отмечают влияние идей М.В. Ломоносова на мышление офицерского корпуса того времени [8, с. 110–112].

Все же университетское образование оставалось чрезвычайно редким среди офицеров. В качестве исключения можно назвать известного военного деятеля М.И. Милорадовича (1771–1825). Среди изучаемых им в Кенигсбергском университете предметов были и политические науки, руководил же занятиями сам И. Кант [15, с. 78–80].

Овладение научными знаниями о войне осуществлялось будущими офицерами самостоятельно и зависело, прежде всего, от их желаний и возможностей. Овладение военным искусством позволяло русской армии одерживать впечатляющие победы. В этой связи характерно признание Ж. де Местра (1753–1821), который, не отличаясь симпатиями к России, признавал, что «Румянцевы, Репнины, Суворовы, Салтыковы, вознесшие до небес славу вашего оружия, – все эти люди в университетах не учились» [10, с. 608].

Причем А.В. Суворов (1730–1800) представляет собой яркий пример прямой связи самообразования с одержанными им победами. Любопытно, что А.А. Свечин, давая редакторский комментарий к книге «О войне», специально опровергал недооценку Клаузевицем образования полководца и утверждал, что «в области военных знаний Суворов был всеобъемлющ» [12, с. 159]. Незадолго до кончины А.В. Суворова британский офицер Г. Клинтон-мл. записал под его диктовку правила «Военной физики» и изложил свои впечатления о встрече с ним: «Сей час выхожу из учений Военной Академии, где были рассуждения о Военном Искусстве, о Аннибале, Цезаре, замечания на ошибки Тюренна, Принца Евгения, о нашем Мальборуке, о штыке, и пр.» [18, с. 396].

К научному пониманию войны в связи с политическими факторами с неизбежностью

вело и усложнение военного управления. В 1711 г. была создана квартирмейстерская служба, на основе которой в 1763 г. образовался генеральный штаб. В 1802 г. учреждается Министерство военно-сухопутных сил (с 1808 г. – Военное министерство). Были извлечены и уроки из опыта 1812–1814 годов. В частности, как выяснилось, штабу при Главной квартире императора приходилось решать и важные политические задачи, в том числе международного характера [17, с. 38–39]. Политическая и военная элита стала понимать, что подготовка и ведение войны требуют единства действий вооруженных сил, их согласованного с другими сферами жизни общества функционирования.

Признанием необходимости научного изучения войны стало создание в январе 1812 г. при Военном министерстве Военного ученого комитета. Положением было определено, что «главная обязанность Комитета состоит в распространении сведений по ученой части военного искусства» [9, с. 27]. Такое предназначение означало ограничение военно-научной работы рамками применения вооруженных сил. Между тем было ясно, что выбор между миром и войной, подготовка страны являются политическими актами и относятся к компетенции не армии, а руководства государства.

По мере осмысления военного опыта стали звучать требования научного политического анализа войны и внедрение его результатов в образование. Генерал И.Г. Бурцов (1794–1829) в 1819 г. отмечал, что «политические науки, относящиеся также большей частью до нравственных действий правительств и народов, в сем отношении великое имеют сходство с военными» [21, с. 45]. Оценивая содержание военного образования и науки, он утверждал, что «для полного образования полководца недовольно даже одних военных знаний; все политические науки, действующие на безопасность народную, как сопредельные военным, а, с другой стороны, все нравственные, подающие правила владеть человеческим сердцем, должны войти в состав общей, пространной теории, управляющей действиями истинных полководцев» [21, с. 49].

Таким образом, постепенно сложились необходимые условия для создания теории войны, учета ее политической детерминации.

Видения войны как политического феномена и имплементации соответствующих изысканий, еще весьма редких, в систему теоретических взглядов и в образовательный процесс не состоялось, был лишь поставлен вопрос об этом. Наряду с этим заслуживает внимания интерес к исследованию войны в широком смысле как в рамках военных учебных заведений, так и в университетах.

Создание в конце 1832 г. Императорской военной академии ознаменовалось *научными дискуссиями о войне и ее политической природе*. В оценке «политического фактора» сразу же наметились два противостоящих подхода.

Первый исходил от инициатора создания академии А.-А. Жомини (1779–1869). К его заслуге следует отнести установление разделения политики войны и военной стратегии, что позволяло воспринимать их как относительно самостоятельные феномены с последующим диалектическим осмыслением в триаде тезис – антитезис – синтез. Позиция самого А.-А. Жомини оказалась половинчатой и метафизической: учет политических обстоятельств допускался им лишь на этапе разработки руководством государства плана войны. После же начала боевых действий в свои права всецело вступает «чисто-военная» стратегия [25, с. 98–101]. В итоге в науке о войне оформилась «*линия Жомини*».

Примером радикального следования ей выступает военный деятель А.И. Астафьев (1816–1863). Размышляя над статьей А.-А. Жомини «О политике войны и военной политике», он категорично утверждает: «вся политика войны состоит в том, чтобы неприятелю наносить всевозможный вред. Что же касается военно-политических отношений союзных держав и армий, условия, противные дисциплине, правилам военной науки, постановлениям военной службы и понятиям, что армия должна представлять собою одно органическое существо, у кого душа и глаза есть полководец, не должны их допускать» [21, с. 259]. Такие «антиполитические» установления распространялись и на военные коалиции: «Вся политика войны... будет состоять в том, что союзники должны избрать одно лицо, облечь его властью и подчинить ему в безусловное повиновение все армии и флот...» [21, с. 260].

В отторжении политики А.И. Астафьев занял радикальную позицию: «Создавая особые науки, как политику войны и военную политику, как географию и статистику военные, можно затемнять еще более чистые идеи военной науки. ...В военную науку не должно вводить ни политической экономии, ни политики, ни государственного хозяйства... Приняв за истину, что военная наука может обнимать только то, что непосредственно касается войск к успешному ведению войны, откинув все лишнее, спутывавшее до сих пор о ней понятия, предмет ее сделается ясным» [21, с. 260, 261].

Продолжателем «линии Жомини» стал и известный военный теоретик Г.А. Леер (1829–1904). В своих размышлениях он признает, что «в деле теории военного дела... царит порядочная анархия» и указывает на сложность методов военных наук. «Главную беду» этих методов Г.А. Леер видит в диалектике, то есть в отказе от метафизики: «сплошь и рядом знание заслоняется изложением, диалектикой» [21, с. 287, 288]. Стратегию он видел как всеобъемлющую науку, полагая, что она «есть синтезис, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия», наука «всех военных наук», «понимаемая в самом широком смысле как философия военного дела» [21, с. 307]. Позицию Г.А. Леера отстаивали и другие исследователи [14]. На практике такой подход вел к монополизации права военного сообщества на исследование войны.

О правомочности военной науки как самостоятельной отрасли знания высказывались противоположные мнения. Сам Г.А. Леер полагал, что правомерна только теория военного искусства. Предпринимались и попытки разграничивать понятия «военная наука», «военная теория», «военное искусство».

В этом отношении характерны оценки Л.Н. Толстого (1828–1910). Полагая, что война есть «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» [26, с. 7], писатель через героя «Войны и мира» Андрея Болконского отрицал военную науку: «...Мысли, что нет и не может быть никакой военной науки, и поэтому не может быть никакого так называемого военного гения, теперь получили для него совершенную очевид-

ность истины. «Какая же могла быть теория и наука в деле, которого условия и обстоятельства неизвестны и не могут быть определены, в котором сила деятелей войны еще менее может быть определена? ...Какая же может быть наука в таком деле, в котором, как во всяком практическом деле, ничто не может быть определено, и все зависит от бесчисленных условий, значение которых определяется в одну минуту, про которую никто не знает, когда она наступит» [26, с. 59–60].

Признавая заслуги писателя, военные мыслители того времени полагали, что его взгляды не выдерживают критики. Так, известный военный теоретик М.И. Драгомиров (1830–1905) опровергал позицию Л.Н. Толстого в специальной брошюре. При этом, по мнению М.И. Драгомирова, нет военной науки, но есть теория военного искусства и теория военного дела [11, с. 46]. Впоследствии представитель русской эмиграции Н.Н. Головин (1875–1944) объяснял отношение Л.Н. Толстого к военной науке неготовностью писателя воспринять действительность: «у людей, мало убежденных в пользе военной науки, первое столкновение с реальностью войны легко порождает разочарование в этой науке» [5, с. 341].

Одновременно с «линией Жомини» возникла и «линия Клаузевица» с присущим ей пониманием войны как развивающегося и изменчивого политического феномена, признанием примата политики с правом последней при определенных обстоятельствах вмешиваться в ход боевых действий.

Сторонники «линии Клаузевица» полагали ограниченным исследование войны в отрыве от константного фактора политики. Так, уже первый профессор стратегии академии Н.В. Медем (1798–1870) стремился разработать курс стратегии, осмыслив ее с политической точки зрения: «Война предполагает вообще какую-либо политическую цель. Искусство устремлять наивыгоднейшим образом все военные средства к достижению этой цели составляют предмет *стратегии*» [21, с. 86]. К заслуге Н.В. Медема правомерно отнести условное противопоставление стратегии как искусства стратегии как науке, для чего использовал очень точные формулировки и оценки. «Стратегия в сущности своей, как искусство, существовала во все времена, когда

была война. Как наука она явилась только тогда, когда стратегические соображения приобрели значительную важность в действиях войны и сделались более сложными и трудными» [21, с. 99]. Оппонируя сторонникам метафизической парадигмы, исследователь утверждал, что «*постоянные, безусловные правила для самих действий существовать не могут*» [21, с. 115], и отмечал постоянную изменчивость войны. Такая позиция представляется гибкой в прикладном плане и продуктивной и эвристичной – в теоретическом.

Сторонник Н.В. Медема П.А. Языков (1800–1869) в работе «Опыт теории стратегии» (1842 г.) признает, что в стратегии следует выделять и своего рода невоенную часть, то есть философию войны, моральную часть, политику войны. Осознавая ее как самую трудную часть военного искусства, П.А. Языков признает влияние на стратегию политического и нравственного элементов [21, с. 139–140]. Представители академии высказывались за привнесение военных вопросов в политические науки. О необходимости этого писал, например, будущий военный министр Д.А. Милютин (1816–1912). В 1847 г. он, осмысливая свою исследовательскую и педагогическую деятельность, утверждал, что «в науках политических *военная сила* государства должна занимать довольно важное место» [21, с. 173].

Подход Н.В. Медема не был принят, в исследовании войны возобладали «освобожденная от политики» установка. Преемники Н.В. Медема не допускали его понимания стратегии. Позже А.А. Свечин с сарказмом описывал содержание курса стратегии: «Предложение состоявшего на русской службе Жомини создать особые кафедры политики войны и военной политики отвергалось... “Вникая в сущность дела, кажется невозможным открыть политику в войне”. “Какая может быть политика там, где бьются на смерть”» [22, с. 276]. Констатируя, что с середины XIX в. в России «стратегический уровень мышления сильно упал», приведенные выше мысли А.И. Астафьева он характеризовал как «махровые цветы профессорского красноречия» [25, с. 86].

Оценивая развитие «линии Жомини» и «линии Клаузевица» и признавая, что теоретические вопросы в них часто не отделялись

от прикладных проблем, можно предположить, что создание кафедры политики войны и введение соответствующей дисциплины привело бы к постановке сложного вопроса о взаимодействии политики и стратегии, пониманию войны как политического феномена.

Ограниченный подход к пониманию войны не претерпел изменений вплоть до крушения империи. Об отсутствии изучения войны как политического явления пишет в своих воспоминаниях Б.М. Шапошников (1882–1945), обучавшийся в академии в 1907–1910 гг.: «В широком смысле слова стратегия как наука о войне нам не читалась. ...Клаузевица в академии не признавали как теоретика учения о войне...» [27, с. 137]. Политического подхода к осмыслению происходящего стала требовать и военная действительность. Так, по результатам анализа опыта русско-японской войны офицеры докладывали, что «армией можно успешно управлять лишь тогда, когда она знает политические мотивы войны» [1, с. 103]. Тем не менее теория не отреагировала на запрос практики, системного осмысления войны как политического явления не состоялось.

Попытки концептуализации высшей стратегии России, основанной на понимании войны как политического феномена, были предприняты в начале XX века. Обострение внутри- и внешнеполитической обстановки, осмысление усложняющейся военной действительности побуждали исследователей к анализу причин происходящего и оценке перспектив страны, обеспечения ее безопасности. Формировались взгляды на то, каким образом политика определяет военную организацию государства в мирное и военное время.

С учетом этого ставился и решался вопрос о соотношении политики и военной стратегии. Так, Е.И. Мартынов (1864–1937) в работе 1899 г. «Обязанности политики по отношению к стратегии» излагает ее полномочия [19, с. 13–52]. Мыслитель полагал, что стратегия должна получить свободу действий сразу после начала войны. Вместе с тем заслуживает внимания его стремление увязывать военную стратегию с долгосрочной политикой государства. Отсюда и военная сила мыслится не как автономная и замкнутая сфера, а как неотъемлемый компонент системы по-

литических ресурсов и средств. Обоснованным представляется вывод Е.И. Мартынова о том, что военная мощь находится в прямой зависимости от общего состояния дел в стране: «Военное могущество государства тогда лишь прочно, когда развитие вооруженных сил не идет в ущерб общему состоянию государственного организма, когда все отрасли народной деятельности развиваются в известной гармонии» [19, с. 47–48].

Военный теоретик Н.П. Михневич (1849–1927), описывая в 1913 г. сферу компетенции политики, полагал, что она определяет условия войны, «отношения тех государств, которые хотя и не участвуют в войне, но заинтересованы в ее исходе», «момент для начала военных действий». В отличие от Е.И. Мартынова он обосновывает, что политика «работает во все время ведения войны» [21, с. 454]. Н.П. Михневич размышляет и о связи государственного устройства и политического режима с военными успехами страны [21, с. 455]. Тем самым внутривнутриполитические обстоятельства вводятся в осмысление войны как фактор, определяющий ее результат.

В канун мировой войны стали кристаллизироваться теоретические разработки о назначении военной силы, выходящие за рамки устоявшихся взглядов. Так, А.А. Незнамов (1872–1928) в 1913 г. писал, что «можно не желать войны, но надо быть готовым к ней, чтобы не заставили воевать!» [21, с. 670]. Отсюда, по его мнению, «сильная и готовая к бою армия служит самою надежною гарантией спокойного развития государства и обеспечивает за ним право громко высказывать свое мнение по *всем* мировым вопросам: хоть и скрепя сердце, может быть, но слушать его будут и особенно противоречить не решатся» [21, с. 674]. А.А. Незнамов отстаивал гибкий подход к пониманию армии как инструмента политики, позволяющего избежать применения военной силы. Особое внимание исследователь уделял и политической подготовке войны, в том числе и подготовке общественного мнения [21, с. 694–699]. При этом он ставит вопрос о целеполагании и программировании комплексных усилий государства: «наличие определенной программы в направлении всей государственной работы позволяет... яснее и тверже ставить задачи диплома-

тии и гораздо глубже заглядывать в будущее. Это же “ближайшее будущее” в большей мере кладет свой отпечаток и на подготовку в военном отношении» [21, с. 701].

В начале XX в. в России вошло в оборот понятие «высшая стратегия», под которой понималась целенаправленная и долгосрочная политика, в рамках которой военная сила выступает как важный, но не единственный инструмент и ресурс. Встал и вопрос о наличии высшей стратегии у России. Стоит отметить, что еще П.А. Языков декларировал существование «высшей части стратегии», связанной с участием в войне не только армий, но и народа [21, с. 152]. Накануне же мировой войны выходят работы, в которых непосредственно ставится проблема высшей стратегии России.

В 1913 г. морской офицер В.Я. Новицкий (1885 – после 1939) в работе «Высшая стратегия» предпринимает попытку дать теоретическое обоснование такой стратегии. По мнению автора, «задача высшей стратегии заключается в обеспечении самостоятельного существования и дальнейшего развития государства, в соответствии с его политическими, экономическими, историческими и культурными интересами» [20, с. 1]. Средством высшей стратегии Новицкому виделась война при условии искусного обращения с ней.

В том же году увидела свет работа А.Е. Вандама (1867–1933) «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии» [4]. Руководствуясь геополитическими соображениями, автор указывал на необходимость создания коалиции сухопутных держав (России, Германии и Франции), направленной против «утонченного деспотизма» англичан.

Восприятия разработок в сфере высшей стратегии в России не состоялось. Теоретические изыскания и призывы к выработке перспективного политического курса были проигнорированы, страна была втянута в ненужную ей войну и оказалась в ситуации национальной катастрофы.

Результаты. Осмысление войны как политического феномена имеет в России длительную историю. В конечном итоге понимания войны в указанном качестве так и не про-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

изошло. Сложившаяся ситуация имела негативные последствия. С неразрешенностью существенных вопросов войны связывал сознание и поведение армии и общества военный мыслитель А.Е. Снесарев (1865–1937): «Достаточно упомянуть тот роковой момент в жизни русской армии, случившийся в феврале 1917 г., когда на голову погибавшей, разлагавшейся и сбитой с исторического пути армии упал ряд военно-философских вопросов о существовании военного начальника, об организации военной власти, о пределах государственного принуждения и т. д. И не только все офицерство, все общество России почувствовало, что в области этих вопросов нет ни заблаговременных решений, ни ясного и проникновенного ответа» [24, с. 118–119].

Изучение понимания войны как политического феномена в описываемый период познавательно в методологическом плане. Можно констатировать наличие проблемы метода, неразрешенности противоречия между объективно существующим сложным феноменом войны и его субъективным и фрагментарным осмыслением, в котором полностью или частично отсутствовал политический компонент. В исследовании войны оформились диалектический и метафизический подходы при доминировании последнего и исповедовании его представителями официальной военной науки. При этом изучение войны происходило автономно военными и гражданскими научными сообществами, синтеза и восприятия ими взаимных достижений не состоялось. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в дореволюционной России научное осмысление войны как политического феномена испытывало на себе сильное влияние немецкой военной мысли.

Дальнейшее изучение войны разворачивалось в России с учетом сложившихся теоретических достижений, но уже в иных условиях, что требует специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под военной организацией государства и общества в статье понимается «плановое, продуманное устройство, упорядочение жизнедеятельности государства и общества на случай возможной войны» [2, с. 8].

1. Агеев, А. Офицеры русского Генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904–1905 гг. / А. Агеев // Военно-исторический журнал. – 1975. – № 8. – С. 99–104.

2. Бельков, О. А. Помнить войну / О. А. Бельков // Власть. – 2005. – № 5. – С. 3–12.

3. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке / Л. Г. Бескровный. – М.: Воениздат, 1958. – 645 с.

4. Вандам (Едрихин), А. Е. Геополитика и геостратегия / А. Е. Вандам (Едрихин) / сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заключ. ст. И. Даниленко. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.

5. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции: сборник / сост. И. В. Домнин; ред. А. Е. Савинкин. – М.: Русский путь: Военный университет, 1999. – 640 с.

6. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права). – М.: Военный университет, 1996. – 450 с.

7. Воинские повести Древней Руси. – Л.: Лениздат, 1985. – 496 с.

8. Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в.: [сб. ст. / редкол.: чл.-кор. АН СССР В. И. Шунков (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1969. – 445 с.

9. Даниленко, И. С. 200 лет органам управления военной наукой / авт. кол.: И. С. Даниленко, Ф. Ф. Дедус, С. В. Кузнецов [и др.]; под общ. ред. И. А. Шеремета. – М.: Военно-научный комитет ВС РФ, 2011. – 184 с.

10. Де Местр, Ж. Санкт-Петербургские вечера / Ж. Де Местр. – СПб.: Алетейя, 1998. – 736 с.

11. Драгомиров, М. И. Разбор романа «Война и мир» с военной точки зрения / М. И. Драгомиров. – Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 144 с.

12. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Госвоениздат, 1933. – Т. 3. – 212 с.

13. Коваленко, В. И. Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи / В. И. Коваленко // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2010. – № 4. – С. 101–105.

14. Корф, Н. А. Общее введение в стратегию, понимаемую в обширном смысле. Этюды по философии военных наук / Н. А. Корф. – М.: URSS, 2012. – 129 с.

15. Костяшов, Ю. В. Петровское начало: Кенигсбергский университет и российское просвещение в XVIII веке / Ю. В. Костяшов, Г. В. Кретьинин. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 144 с.

16. Крижанич, Ю. Политика / Ю. Крижанич. – М.: Наука, 1965. – 736 с.

17. Лобов, В. Н. Александр I и его военно-политическая деятельность / В. Н. Лобов. – М. : Логос, 2012. – 228 с.

18. Лопатин, В. С. Суворов / В. С. Лопатин. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 447 с.

19. Мартынов, Е. И. Политика и стратегия / Е. И. Мартынов. – М. : Издат. дом «Финансовый контроль», 2003. – 448 с.

20. Новицкий, В. Я. Высшая стратегия / В. Я. Новицкий. – СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1913. – 97 с.

21. Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX века / под ред. д-ра ист. наук Л. Г. Бескровного. – М. : Воениздат, 1960. – 758 с.

22. Свечин, А. А. Клаузевиц / А. А. Свечин. – М. : Журнально-газетное объединение, 1935. – 288 с.

23. Свечин, А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней / А. А. Свечин. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927–1928. – Т. 1. – 386 с.

24. Снесарев, А. Е. Философия войны / А. Е. Снесарев. – М. : ВА ГШ, 2002. – 352 с.

25. Стратегия в трудах военных классиков. – М. : Издат. дом «Финансовый контроль», 2003. – 592 с.

26. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой / примеч. Л. Д. Опульской. – М. : Худож. лит., 1983. – Т. III, IV. – 800 с.

27. Шапошников, Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды / Б. М. Шапошников. – 2-е изд., доп. – М. : Воениздат, 1982. – 574 с.

REFERENCES

1. Ageev A. Oficery russkogo General'nogo shtaba ob opyte russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg. [Russian General Staff Officers About the Experience of the Russo-Japanese War 1904–1905]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 1975, no. 8, pp. 99–104.

2. Bel'kov O.A. Pomnit' voynu [Remember the War]. *Vlast'*, 2005, no. 5, pp. 3–12.

3. Beskrovnyj L.G. *Russkaya armiya i flot v XVIII veke* [Russian Army and Navy in the XVIII Century]. Moscow, Voenizdat, 1958. 645 p.

4. Vandam (Edrihin) A.E. *Geopolitika i geostrategija* [Geopolitics and Geostategy]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2002. 272 p.

5. Domnin I.V., Savinkin A.E., eds. *Voennaja mysl' v izgnanii: Tvorchestvo russkoj voennoj jemigracii: sbornik* [Military Thought in Exile: The Creative Work of Russian Military Emigration. Collection]. Moscow, Russkiy put Publ., Voennyj universitet, 1999. 640 p.

6. *Voенное zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii (Kodeks Russkogo Voennogo Prava)* [Military Legislation of the Russian Empire (Code of Russian

Military Law)]. Moscow, Voennyj universitet, 1996. 450 p.

7. *Voинskie povesti Drevnej Rusi* [Military Stories of Ancient Russia]. Leningrad, Lenizdat, 1985. 496 p.

8. Shunkov V.I. et al., eds. *Voprosy voennoj istorii Rossii. XVIII i pervaja polovina XIX v.* [Russian Military History Issues. XVIII and First Half of the XIX Century]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 445 p.

9. Danilenko I.S., Dedus F.F., Kuznecov S.V., Sheremet I.A., Smirnova L.A., Hmel'nikov S.P., Korobov Y.M., eds. *200 let organam upravlenija voennoj naukoj* [200 Years of Military Science Management]. Moscow, Voенно-nauchnyj komitet VS RF, 2011. 184 p.

10. De Maistre J. *Sankt-Peterburgskie vechera* [St. Petersburg Evenings]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 736 p.

11. Dragomirov M.I. *Razbor romana «Vojna i mir» s voennoj tochki zrenija* [Analysis of the Novel “War and Peace” from a Military Point of View]. 2nd ed. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 144 p.

12. Clauzewitz C. *O voyne* [About War]. Moscow, Gosvoenizdat, 1933, vol. 3. 212 p.

13. Kovalenko V.I. Politicheskaja nauka i politologicheskoe obrazovanie v Rossii: osnovnye vehi [Political Science and Political Science Education in Russia: Key Milestones]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija «Politologija»* [Science Journal of Perm State University (Review of Political Science)], 2010, no. 4, pp. 101–105.

14. Korf N.A. *Obshhee vvedenie v strategiju, ponimaemuju v obshirnom smysle. Jetjudy po filosofii voennyh nauk* [General Introduction to the Strategy, Understood in Broad Sense. Etudes on the Philosophy of Military Science]. Moscow, URSS Publ., 2012. 129 p.

15. Kostjashov Y.V., Kretinin G.V. *Petrovskoe nachalo: Kenigsbergskij universitet i rossijskoe prosveshhenie v XVIII veke* [Petritine Beginning: Konigsberg University and the Russian Enlightenment in the XVIII Century]. Kaliningrad, Yantarnyy Skaz Publ., 1999. 144 p.

16. Krizhanich Yu. *Politika* [Politics]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 736 p.

17. Lobov V.N. *Aleksandr I i ego voенно-politicheskaja dejatel'nost'* [Alexander I and His Military-Political Activity]. Moscow, Logos Publ., 2012. 228 p.

18. Lopatin V.S. *Suvorov*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 447 p.

19. Martynov E.I. *Politika i strategija* [Politics and Strategy]. Moscow, Izdatelskiy dom «Finansovyy kontrol», 2003. 448 p.

20. Novickij V.Ja. *Vysshaja strategija* [Superior Strategy]. Saint Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva, 1913. 97 p.

21. Beskrovnyi L.G., ed. *Russkaja voenno-teoreticheskaja mysl' XIX i nachala XX veka* [Russian Military-Theoretical Thought of the XIX and Early XX Century]. Moscow, Voenizdat, 1960. 758 p.

22. Svechin A.A. *Klauzevic* [Clauzewitz]. Moscow, Zhurnalno-gazetnoe obyedinenie, 1935. 288 p.

23. Svechin A.A. *Jevoljuciya voennogo iskusstva s drevnejshih vremen do nashih dnei* [Evolution of Military Art from Ancient to the Present Day]. Moscow, Leningard, Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1927–1928, vol. 1. 386 p.

24. Snesev A.E. *Filosofija vojny* [Philosophy of War]. Moscow, VA GSh, 2002. 352 p.

25. *Strategija v trudah voennyh klassikov* [Strategy in the Works Military Classics]. Moscow, Izdatelskiy dom «Finansovyy kontrol», 2003. 592 p.

26. Tolstoj L.N. *Vojna i mir* [War and Peace]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. III, IV. 800 p.

27. Shaposhnikov B.M. *Vospominanija. Voenna-nauchnye trudy* [Memories. Military Scientific Works]. 2nd ed. Moscow, Voenizdat, 1982. 574 p.

Information About the Author

Vasily K. Belozerov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russian Federation, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Информация об авторе

Василий Клавдиевич Белозёров, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Российская Федерация, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>